

DOI: <https://doi.org/10.46991/FLHE/2023.27.2.107>

Наталья ГОНЧАР-ХАНДЖЯН*

Ереванский государственный университет

Катя ТОВМАСЯН**

**ЭСТЕТИЧЕСКИЕ И ЭТИЧЕСКИЕ ИСКАЖЕНИЯ
В РОМАНАХ ПАЛАНИКА «СНАФФ», «КТО ВСЕ
РАССКАЖЕТ», «ДО САМЫХ КОНЧИКОВ»,
«РОЖДЕНИЕ ЗВУКА»**

Писательская судьба яркого представителя современной контр-культуры Чака Паланика тесно связана с миром журналистики, рекламы и кино. Именно экранизация его романа «Бойцовский клуб» принесла ему мировую известность и закрепила за ним раз и навсегда славу культового писателя в среде читателей-почитателей трансгрессивной прозы. В своих разоблачительно-ироничных романах «Снафф», «Кто все расскажет», «До самых кончиков», «Рождение звука» Паланик травестирует пресловутые мифы, концептуализированные в понятии «американская мечта», показывает процессы тотальной стандартизации и обезличивания общества потреблением посредством навязанных корпорациями рекламных предпочтений, приоткрывает завесу в отталкивающее закулисье Голливуда, каждый раз детективное повествование закручивая в увлекательный сюжет.

Цель статьи: с опорой на компаративистский и аналитический методы передать авторский дискурс, ориентированный на разоблачение современного секуляризованного общества с его товарным фетишизмом и деконструкцией этических норм и категорий. Актуальная для творчества писателя в целом и определяющая сюжетные коллизии в четырех ниже рассмотренных романах социальная проблематика определяет предмет статьи. Представленные в статье романы оказывались до сих пор вне фокуса внимания серьезной критики, и тем самым предпринятая попытка

* natalie.goncharkanjyan@ysu.am ORCID 0009-0002-5462-8509

** katya@mail.ru ORCID 0009-0004-2323-4106

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License.

Received: 22/10/2023

Revised: 16/11/2023

Accepted: 30/11/2023

© The Author(s) 2023

дополнить общую картину научно-исследовательских обращений к текстам Паланика определяет новизну данного исследования, раскрывающего неизвестные аспекты в творчестве писателя. В статье приводятся цитаты из обращений современной критики к трансгрессивной прозе, но основными опорными текстами статьи являются романы самого Паланика и его нон-фикшн книга-пособие по писательскому мастерству «На заправку» («Consider This»), в которой популярный автор делится секретами писательского мастерства – залогом как художественной ценности книги, так и ее читательского успеха. Соотнесение художественной прозы Паланика с теоретическими положениями, изложенными им в книге-пособии, помогают лучшему пониманию и разностороннему раскрытию текстов писателя.

***Ключевые слова:** манипуляция, гендерное противостояние, Голливуд, закулисы, снафф, коммерческая запись*

Введение

Заявление знакового для Паланика писателя-неоромантика Оскара Уайльда, провозглашавшего приоритет искусства над реальностью и убежденного в том, что жизнь должна подражать искусству, а не искусство – жизни, утверждает в парадоксальной форме известную истину о неразрывной связи жизни и искусства, литературы, не существующих в отрыве от реальности. Даже такие жанры литературы как фантастика или фэнтези черпают ситуации, сюжетные повороты и образы из реальной жизни, моделируя своего рода антиреальность. Таким образом, по замечанию писателя-фантаста Рея Бредбери, «фантастика – это наша реальность, доведенная до абсурда» (Алябьева, 2016). В наше время популярный жанр трансгрессивной прозы, виртуозно манипулируя уровнями восприятия через детальное и яркое описание того, что до сих пор было табуированной темой, берет начало в творчестве Джеймса Джойса («Улисс», «Поминки по Финнегану»), в дальнейшем – в творчестве позднего Набокова («Бледный огонь», «Лолита», «Ада») и гуру битников Уильяма Берроуза («Гольфый завтрак», трилогия «Нова»). Постмодернисты, подхватив основную тему трансгрессии с ее потусторонней, inferнальной сутью, срывают с неприглядной действительности завесы из метафор и иносказаний и эффекта трансгрессии добиваются не через форму (как писать), а через содержание (что описывать).

Позиционируя свое творчество как трансгрессивное, Паланик прославился своим радикальным натурализмом. «Так, в романе

“Призраки” присутствует детальное описание процесса разложения человеческого тела со всеми “вкусными” подробностями от вспученного живота до гноя из лопнувших глаз. В мозаичном “Рэнт. Биография Бастера Кейси” большое внимание уделено соплям главного героя, а в общем творчество Паланика – это гимн сперме» (Заборский, 2021). Поток сознания, введенному в литературу Джойсом и, Паланик дает свою трактовку: «Считайте, что ваша история – это поток информации. В идеале она представляет собой последовательность часто меняющихся ритмов. А писатель – это диджей, миксующий треки» (Паланик, 2020, с.19). Используя то, что реально и может быть знакомо каждому читателю, но, в то же время, являясь табуированной темой, раздражает, возмущает, шокирует, Паланик постепенно продвигается «к фантастическому. Сложному и глубокому» (Паланик, 2020, с. 77).

Дихотомическая рефлексия в романе Паланика «До самых кончиков»

Истоки популярности Паланика у широкого читателя восходят к его культовому роману «Бойцовский клуб» и обеспечивают колоссальный уровень его продаж с завидным постоянством поступающим в тираж романам, литературная ценность которых может быть поставлена под сомнение, в частности, в силу их проблематики и содержания. Таким образом, романы «Бойцовский клуб», «Удушье», «Уцелевший», «Дневник», «Колыбельная», «Призраки», «Ссудный день», диптих «Обреченные» и «Проклятые», не раз отмеченные критикой, становятся предметом литературоведческих исследований, статей, диссертаций, в то время как романы «Снафф», «Кто все расскажет», «До самых кончиков», «Рождение звука» обойдены научным вниманием и не освещались в литературоведении, что, однако, оставляет существенную брешь в общем дискурсе научных обращений к творчеству писателя.

Дистопией, показывающей полную зависимость социума от навязанной им рекламы, с помощью вживленных в организм человека микрочипов превращающей его в зомби-потребителя, предельную сосредоточенность на самых низменных удовольствиях, разобщенность людей и накал гендерных противоречий, стал малоизвестный роман Паланика «До самых кончиков» (“Beautiful You”). По словам самого писателя, на структурное оформление романа Паланика вдохновили

упомянутые в романе Дж. Оруэлла «1984» порнографические книжки для пролетариев, которые создает специальная машина, и «непристойный, абсурдный жанр слеш-литературы» (Паланик, 2020, с.39). Паланик скопировал их визуальное исполнение и применил *отбивку* для обозначения временных переходов. В своих советах начинающему писателю Паланик говорит:

Не стесняйтесь использовать отбивку для обозначения временных переходов. После окончания сцены или эпизода можно оставить в тексте большой разрыв. Говорят, что первые низкопробные романы печатались вообще без деления на главы, там была только отбивка. Издатели старались таким образом избавиться от пустых или полупустых страниц – то есть сэкономить несколько листов газетной бумаги и тем самым увеличить чистую прибыль (Паланик, 2020, с. 39).

С самого начала романа читатель погружается в атмосферу откровенного гендерного противостояния. Еще недавно готовая бросить вызов произволу мужчин, с юности вдохновлявшаяся примерами известных женщин-феминисток юрист Пенелопа Энн Харриган оказалась в зале суда одна против пожирающих ее плотоядными взглядами и готовых ее уничтожить мужчин, не знающих жалости и пощады:

Будь в зале еще дамы, дела пошли бы иначе. Увы, Пенни оказалась в одиночестве. За последние несколько месяцев все женщины куда-то попрятались. В госучреждениях их теперь днем с огнем не сыщешь. Те, кто наблюдал за страданиями Пенни – судья, присяжные, зрители, были сплошь мужчины. Этот мир принадлежал им (Паланик, 2015, с. 7).

Вооруженная неоспоримыми уликами против своего противника, Пенни Харриган из обвинителя в одночасье переходит в разряд жертвы, безуспешно сопротивляясь истязаниям, которые дистанционно обрушил на нее бывший любовник – мега-магнат Линус Корнелиус Максвелл, в котором явно прочитывается сходство с основателем SpaceX и Tesla Илоном Маском. Сработал психологический феномен *справедливого мира*, и, вместо того, чтоб помочь несчастной молодой женщине, все «чинно поглядывали на часики или же демонстративно возились с эсэмэсками, словно испытывая за Пенни

неловкость» (Паланик, 2015, с. 8). С помощью когнитивного искажения автор создает интригу, и, чередуя *маленький голос*, с которого он вступает в повествование, с *большим голосом*, знакомит нас с главным героем-антагонистом – богатейшим на свете человеком, владельцем крупнейшей корпорации «МикроДатаКом» Линусом Максвеллом, с которым вскоре, неожиданно для всех и, в первую очередь, для себя самой, закрутит бурный роман Пенни Харриган, окрещенная прессой «Доткомовская Золушка». Как мантру повторяя про себя, что за историю человечества женщинам не жилось лучше, чем в ее время, вдохновленная примером первой женщины-президента Соединенных Штатов Клариссы Хайнд – своей современницы и кумира, грезящая о том, «до чего оголтелые феминистки не додумались» (Паланик, 2015, с. 12), молодая выпускница юридического факультета Пенни понимает, что нынче «женщина-адвокат ничуть не более приметна, чем домохозяйка в пятидесятые» и «выбор профессии предопределялся модой или текущими веяниями, но отнюдь не самой Пенни» (Паланик, 2015, с. 11). Обладательница стандартной внешности – «Не писаная красавица, конечно. Но и не уродка» (Паланик, 2015, с. 14), молодая заштатная сотрудница крупнейшей нью-йоркской адвокатской фирмы «Брум, Брум и Бриллштейн» Пенни Харриган, которая еще недавно таскала стулья и кофе из аппарата «обленившимся и обнаглевшим сотрудникам» (Паланик, 2015, с. 20), попадает на глаза миллиардеру, сделавшего ее своей избранницей именно благодаря ее стандартной внешности. На светских мероприятиях, куда приглашает ее богатый поклонник, ее внешность вызывает недоумение: «костлявые и прямые как скалка супермодели фыркали при виде ее нормальных, человеческих бедер. Недоуменно качали головками с вздернутыми скулами» (Паланик, 2015, с. 55), а мужчины пытались объяснить ее нахождение рядом с самым завидным мужчиной на планете особыми секретными умениями. Однако, впервые оказавшись с Линусом наедине, Пенни узнает причину его увлечения ею: «Я люблю тебя, потому что ты типичная» (Паланик, 2015, с. 63).

В современном мире, где все «создано с расчетом, чтоб нами манипулировать» (Паланик, 2015, с. 67), всемогущий Линус Максвелл уже близок к осуществлению своей глобальной мечты. Исходя из известной тактики «разделяй и властвуй» (“*Chet u hai in governo, divide*” – Макиавелли, Николло. *Рассуждения о первой декаде Тита Ливия*, III, XXVII), богач ставит перед собой задачу окончательного разрыва и отчуждения между полами, в свое время подготовленными феминистическими настроениями и пропагандой *женских прав и*

свобод. Линейка внедряемой им продукции «До самых кончиков», направленная на доставку женщине без участия партнера максимального и ни с чем несравнимого удовольствия, требует окончательной апробации, и Пенни за своими заурядными, типичными данными очень подходит. Как замечает сам экспериментатор, «в биологическом смысле ординарность параметров не имеет цены» (Паланик, 2015, с. 63). То, что первоначально представляется как вполне гуманная затея, направленная на обретение независимости женщинами, на самом деле приводит к полной изоляции полов, зомбированию женщин через нанороботов, вживленных в продукцию средств личной гигиены «До самых кончиков», и их безоговорочной лояльности брэнду, будь то интимные секс-игрушки, новый фасон обуви или модное чтиво про вампиров. Верные инстинктам, которые внушают им наноботы, доведенные до полного психического и физического истощения, подсевшие на наркотик физического наслаждения женщины-зомби выстаивают нескончаемые очереди перед дверями здания из розового стекла, где торгуют вожаделенным, но слишком хрупким и скоропортящимся товаром.

И пусть замки еще не отомкнуты, очередь из дерганных женщин растянулась на пару городских кварталов. Все до единой переминались с ноги на ногу в уродливой, громоздкой обуви. <...> У каждой тот же роман про вампиров. Многие пришли с бутербродами, а упаковали их в розовые пакеты, желая показать, что являются повторными покупателями (Паланик, 2015, с. 155).

Пенни, собирающая улики против своего недавнего любовника и стремящаяся привлечь производителей продукции «До самых кончиков» к ответственности, заклеена антифеминисткой:

«Неудовлетворенно-разъяренная женская дивизия побивала девушку чтивом с романтическим вампиром на обложке. Еще минута, и они посбрасывают с ног свои “платформы”, возьмут их в руки, и тогда...Верная смерть» (Паланик, 2015, с. 160).

Пенни Харриган, получившая от Максвелла более чем щедрые отходные в размере пятидесяти миллионов долларов, положенных в швейцарский банк на ее имя и позволяющих на одни проценты вольготно жить до конца жизни, и несметное количество других

потребительских благ – брендовых нарядов, драгоценностей и др., оказалась не подвержена всем этим вывихам в поведенческой картине шопинга. Она готова пойти на любой риск, отказаться от всех своих льгот и привелегий, лишь бы вернуть армию своих товаров к нормальной, полноценной жизни, возратить их в лоно семьи, потеря которой никак не является эквивалентом свободы, как виделось всему взбунтовавшемуся женскому населению. А пока все инфраструктуры напрочь лишились женщин и мужчины стали их единовластными хозяевами и исполнителями, Пенни предпринимает авантюрную и рискованную поездку в далекий Непал к Бабе Седобородке – ведунье, когда-то посвятившей Линуса в секреты своего мастерства и единственной из ныне живущих способной отразить его бесовскую энергию. С образом двухсотлетней Бабы Седобородки, наставницы страждущих в искусстве любви, с пребыванием в ее пещере на вершине отвесной горы нашей героини, с вмешательством Бабы в дальнейшие события и определение их исхода связана фантастическая линия сюжета и нагнетание предельного абсурда бытия.

Раскрывая суть приема генерации максимального напряжения через повторное использование предметов (см.: Паланик, 2020. Глава: Напряжение: предметы как вторсырье., с. 132-137). Паланик рекомендует «показывать некий предмет, прятать, а потом опять вводить в повествование» (Паланик, 2020, с. 132). Сам автор виртуозно владеет этим приемом и прибегает к нему при создании своих текстов. Так, в романе «До самых кончиков» таким вторсырьем становится подшивка старых номеров журнала «Нэшнл Инкуайрер», где может храниться достоверная информация о прошлом Линуса Максвелла, давно стертая со всех доступных источников. Журнал как возможный разоблачитель загадки несокрушимого Максвелла фигурирует в разговоре с матерью, которую Пенни просит разузнать что-либо о нем в старых номерах (см.: Паланик, 2015, с. 93). Стопку отделенных матерью журналов Пенни находит перед отправкой в Непал (с. 188), и снова «Нэйшнл Инкуайрер» появляется в кульминационной сцене насильственного бракосочетания Пенни с Линусом как источник неожиданной разоблачительной информации (см.: Паланик, 2015, с. 264). Циничный гений Линус Максвелл сделал когда-то колоссальные вложения в технологию по человеческому клонированию. С ужасом размышляя о дьявольском плане Макса, Пенни строит предположение:

Если Максудалось обманом запихать в женщин психо-контролируемых нанороботов, где гарантия, что у него не полу-

читься то же самое с анабиозными эмбрионами? В том числе внутри самой Пенни? Тут и сомневаться нечего: это будет его личный клон. <...> Так вот, значит, какова его концепция умиротворения человечества: утопия, населенная много-миллиардно скопированной версией самого себя! (Паланик, 2015, с. 265).

Окончательному разоблачению злодея, насильственно ведущего под венец подавленную, но не сломленную девушку, помогает появление «deux ex machine» – Бабы Седобородки, прилетевшей непрощенной гостьей из своего далекого убежища в Нью-Йорк на свадьбу двух своих лучших учеников. Точки над «И» расставляет известие о том, что сама Пенни является клоном горячо любимой жены Максвелла, умершей еще до рождения самой мисс Харриган. В свете этого шокирующего откровения объяснимыми становятся многие до того неясные моменты романа, такие, например, как наличие у ничем не примечательной девушки из глубинки двух бдительных и постоянно ее сопровождающих телохранителей, их последующее исчезновение, загадка 136-и дней, встреча и роман заурядной девушки и самого богатого человека в мире и мн. др. Максвелл, как и древняя ведунья Седобородка, гибнет прямо у алтаря, наделав много шума – в лучших традициях паланиковского гипертекста, а наследница целой МикроДатаКомовской империи Пенни, благополучно реализовав сказочный сценарий о Золушке, уподобляется женской ипостаси Просветленного – Будды, отказавшись от мирских благ и отправившись в тибетское уединение. Тем не менее, не в силах разом отречься от соблазнов бытия и погрузиться в чувственную нирвану, Пенни, в альтруистическом порыве облегчить страдания затосковавших по удовольствиям *женским легионам*, через компьютер, который оказался в полном ее распоряжении с доступным вай-фаем на горной высоте, связывается со спутником и начинает глобальную бомбардировку самыми восхитительными эмоциями. Упоенная неограниченной властью Пенелопа Харриган стоит на пороге реализации своей амбициозной мечты: «Поколения женщин, воспитанных в давней традиции оскорблений и несправедливости, замаршируют к счастью под ливнем радости. Хепши-энд по всем правилам» (Паланик, 2015, с. 283-284). То, что оказалось недостижимо для Линуса Максвелла, осуществит Пенелопа Харриган, и в противостоянии мужчины vs женщины новая эра, по Паланику, дает преимущества женскому началу, чья древняя мудрость нашла свое выражение в утрированном

образе Бабы Седобородки. Но, поскольку для полной реализации притяжение полов неизбежно, в последний момент усталая, но счастливая отшельница Пенни вызывает себе в компаньоны голограмму любимого киноактера, еще раз подменив настоящую жизнь «богатейшим суррогатом бытия» (Паланик, 2015, с. 282).

Книга Паланика представляет собой нагромождение фантастических персонажей, эпизодов, событий, в свете которых наша современная реальность с ее воздействием на психику через вездесущую рекламу, увлечением восточными тантрическими учениями как данью моде, развитием нанотехнологий, подчиняющих себе человеческий интеллект, созданием рукотворных вирусов, захватывающих человечество, феминизацией общества и др. высвечивается особенно ярко и наглядно. В мемуарно-автобиографической книге «На затравку» Паланик передает один из эпизодов своих встреч с читателями, во время которого одна из читательниц заявила, что его главная героиня неправдоподобна. В девушке-клоне, в костюме от кутюр и на шпильках каждый раз со сноровкой опытного альпиниста взбирающейся на заоблачные кручи обрывистых тибетских гор, оттуда же управляющей через компьютер имплантированными во всех женщин наноботами, читательница усмотрела одно несоответствие: «Вы написали, будто она любит мороженное со вкусом сливочной ириски» (Паланик, 2020, с. 57), а на вопрос автора, какое же мороженное должна любить героиня, ответила, что шоколадное.

«Такие дела. Промахнитесь даже в мелочи – и ваш персонаж лишится всякого правдоподобия» (Паланик, 2015, с. 57), – шутит Паланик и продолжает потчевать читателей изрядными дозами фантастики, которая, быть может, в скором времени обернется пророчеством.

Феномен деструкции: деконструкция эстетической формы в романе «Снафф»

Связанный своей творческой биографией с Голливудом и даже в какой-то мере обязанный *фабрике звезд* своим писательским взлетом, Паланик, тем не менее, откровенно не приемлет закулисных нравов и порядков мира кино, открыто и беззастенчиво демонстрируя в трех своих книгах всю иллюзорность и всю безнравственность и преступность мира, где, согласно обывательским представлениям,

реализуется американский идеал процветания и безграничных возможностей.

Когда в 2011 году роман Паланика «Снафф» был переведен на турецкий язык под названием «Смертельное порно», над издателем Хасаном Басры Чаплаком и переводчиком книги нависла угроза тюрьмы по обвинению в распространении материала, контент которого недопустим в рамках турецкой морали. Оригинальный текст романа был издан в 2008 году, вскоре переведен на многие языки и вызвал отторжение даже у испытанных паланиковскими шоковыми методами изображения реальности читателей, не говоря уж о критике, чем объясняется и избегание обращений к книге в научной литературе.

Снафф как явление имеет архаические корни и характеризуется применением крайней жестокости в определенных, в частности, религиозных ритуалах, в наши же дни образ снаффа предстает «моральным и политическим диагнозом современности» (Казарина, 2017). Явление снаффа становится характеристикой современного хронотопа, когда на мировой арене наших дней в условиях глобализации снафф выступает своего рода индикатором происходящих в мире изменений. Понятие снаффа как предельного по своей жестокости натурализма ассоциируется, в первую очередь, с кинематографом и представляет собой видеозаписи реальных издевательств, пыток, истязаний и последующего убийства людей. Сам термин происходит от английского *snuffout* – разрушать (Williams, 1989, pp. 189-190), а история визуального изображения сцен насилия и изощренного убийства, уходящая корнями в городские легенды, связана, в первую очередь, с именем главы секты «Семья» Чарльзом Мэнсоном, снискавшим беспрецедентную известность и занявшим прочное место в поп-культуре после жестокого убийства пяти человек, включая беременную женщину, и записавшим на видео сам процесс. Трагическое событие стало раскручиваться жадными до сенсаций массмедиями и привело к взлету популярности Мэнсона и его секты: «Это преступление было настолько скандальным, что лидер секты Мэнсон стал широко известным в американской культуре, фактически сделавшись маньяком в качестве поп-звезды» (Салтыков, 2015), а сама история стала сюжетом целого ряда документальных книг с высоким рейтингом продаж и кассовых кинофильмов. Бесспорно, случай, связанный с феноменом Мэнсона, инициированными им зверскими преступлениями и судом над ним и его подельниками, необратимо повлиял на мировоззрение не только современников, но и последующих поколений, определив «новые вкусы» общества, для

которого безумство стало нормой: «Раньше слово “безумный” имело какой-то смысл. Теперь оно ничего не значит, потому что безумными стали все» (Чарльз Мэнсон и его «Семья», 2021).

Толчком к созданию пророческой антиутопии английского писателя Энтони Берджесса «Заводной апельсин», на основе которой снят знаменитый фильм Стенли Кубрика, послужило реальное событие – жестокое избиение его беременной жены четырьмя американскими солдатами-дезертирами во время Второй мировой войны. Создание романа, в центре которого – подросток-садист Алекс, получающий удовольствие от причинения окружающим мучений и боли, – своеобразная сублимация переживаний самого автора. В биографии Паланика, в свою очередь, есть известный эпизод – жестокое убийство его отца и мачехи, Данны Фонтейн, бывшим мужем последней Дейлом Шеклофордом, отсидевшим срок за изнасилование. Эти события приводят Паланика к переосмыслению творчества, и тема насильственной смерти из категории иронического гротеска в его текстах становится реалистической фактографией фантастических событий, которые вполне могли произойти на самом деле.

Одной из таких книг и стал роман «Снафф», где за сюжетом о популярной порно-диве, задумавшей небывалый по своим масштабам проект с реальным убийством в финале, стоят вполне достоверные факты нелегальной киноиндустрии, поставляющей заказчикам фильмы категории снафф.

Заключительным аккордом грандиозного порно-проекта сделать собственную смерть – таков сценарий некогда популярной актрисы фильмов «взрослой категории». Цель Касси Райт – обогатить своего брошенного еще при рождении ребенка и самой «войти в историю» (Паланик, 2015, с. 10). «Творить историю» (Паланик, 2015, с. 11), новичкам – сделать хорошую карьеру, «старичкам – обеспечить себе триумфальное возвращение» (Паланик, 2015, с. 2), «сделать снафф» (Паланик, 2015, с. 11) – вот то, что собралось в тесном и зловонном помещении шестьсот мужчин, ждущих своей очереди в павильон, где они проведут несколько минут с легендарной Касси Райт в присутствии съемочной группы и под объективами камер.

В основе композиции романа – чередующие вставки из размышлений, воспоминаний, наблюдений четырех персонажей романа, троих мужчин и молодой девушки-ассистента. Каждый из мужчин имеет порядковый номер (Мистер 72, Мистер 137, Мистер 600), свой характерный образ, «свой багаж фразочек и слэнга» (Паланик, 2020, с. 69), свою *историю*, которая привела его на этот

своеобразный марафон *мужественности*, и, в то же время, представляет собой обобщенный образ всех остальных присутствующих на съемках мужчин той же возрастной категории.

Паланик в предельно жесткой форме противопоставляет и, как и в вышеприведенном романе, сталкивает два противоборствующих лагеря – мужчины vs женщины, и по законам жанра фильм снафф должен завершиться смертью женщины-героини. Поскольку автор позволил читателю с самого начала ощутить «свое превосходство и <...> по-отечески, извращенно-снисходительно научить уму-разуму» (Паланик, 2020, с. 29) и, в то же время, «искренне сопереживать персонажу» (Паланик, 2020, с. 29), читатель в предвкушении, что героиня осуществит задуманное, что «ключевое понятие наших дней – суровая реальность» (Паланик, 2015, с. 239) работает на нее, и эффектное самоубийство-самосожжение состоится, пока «камера продолжает снимать» (Паланик, 2015, с. 252). В итоге, по воле героини «все получилось возвышенно и трагично. Как в «Ромео и Джульетте»» (Паланик, 2015, с. 252). В выигрыше от импровизации актеров-протагонистов, устроивших двойной суицид в конце фильма и обеспечивших ему небывалый успех у любителей снаффа, остается их незаконнорожденная дочь, выступавшая на протяжении всего действия в неблагоприятной роли обслуживающего персонала – помощницы-ассистентки Шейлы, на самом деле нареченная Зельдой Зонк – тайным именем легендарной Мерилин Монро, бессмертной иконы Голливуда. Неожиданно *Золушка* становится *Прекрасной Принцессой*, и за неприглядной внешностью суровой помощницы с конским хвостом и обильно посыпанными перхотью плечами все замечают сходство с прославленной матерью. И вновь в неравном поединке победа остается за женщиной, сумевшей обойти общество мужчин на роковом финише.

«Мэрилин мечтала о том, чтобы быть уважаемой серьезной актрисой, изучающей актерское мастерство по системе Станиславского. Умной и проницательной интеллектуалкой под стать Артуру Миллеру. Человеком, обладающим чувством собственного достоинства. Именно таким человеком становилась Мэрилин Монро, когда выбиралась куда-то без макияжа, в простой повседневной одежде <...>, прячась за стеклами диоптрических очков в роговой оправе. Эта неяркая, умная, образованная актриса называла себя Зельдой Зонк» (Паланик, 2015, с. 238).

Так, великолепная блондинка Касси Райт, мечтавшая стать серьезной актрисой, но павшая жертвой жадного до внешней привлекательности мира мужчин, назвала свою дочь, запрограммировав и обеспечив ей иную судьбу, о которой сама мечтала.

Гиперреальная рефракция: уайльдовский подтекст в романе «Кто все расскажет» как основа для метафизики и критики голливудской индустрии

Трагическая двойственность характера голливудской иконы, навсегда оставшиеся неразгаданными обстоятельства смерти сделали Мэрилин Монро одним из любимых образов-символов, лейтмотивно возникающих в творчестве Паланика. Еще в первом своем романе-матрице всех последующих его текстов – «Невидимках» Паланик, создавая макрокосм вокруг своей героини, включает туда Мэрилин: «На планете Бренди Александер управлением занимается детально разработанная система богов и богинь. Некоторые из них – зло. Кто-то – само воплощение добра. Это, например, Мэрилин Монро» (Паланик, 2009, с. 78). Явлением нового персонажа – Нормы Джин Бейкер, белокурого ангела, умеющего пока что лишь *улыбаться и лопотать* (см.: Паланик, 2015, с. 286), завершается очередной роман Паланика «Кто все расскажет» о закулисе жизни киноактеров.

Читатель уже знает, что каждому, за кого возьмется невзрачная, талантливая и всемогущая Хэйзи Куган, эта живая «фабрика» (Паланик, 2015, с. 19) по сотворению звезд, заранее предопределено блестящее сценическое будущее. Так, на протяжении всего текста, вводя в повествование громкие имена из реальной истории Голливуда, Паланик придает видимость документальной достоверности всему сюжету своей вымышленной истории. В книге рекомендаций начинающему писателю Паланик предлагает установить писательский авторитет, заимствуя достоверность у нехудожественных форм: «Своему ученику я сказал бы, что с помощью документальных, нехудожественных приемов можно сделать вполне правдоподобным даже самый фантастический, сентиментальный или глупый сюжет» (Паланик, 2020, с. 65).

Роман имеет драматическую конструкцию с разбивкой на три акта, поделенных на сцены, и представляет собой сценарий к фильму голливудской законодательницы, продюсера и актрисы Лириан Хеллман, в основе которого – судьба голливудской дивы Кэтрин

Кентон. Больная синдромом Туррета и постоянно перемежающая связную речь глоссолалией, нечленораздельными звуками, отчего весь текст романа пестрит в неожиданных местах всевозможными *гав, тьяв, хрю, ко-ко-ко, му, чирик, мяу* и др., Лилиан Хеллман создает масштабные киноэпопеи – нагромождения невероятных событий и героических подвигов, и «все хотят умереть раньше Лили, чтобы стать ее сценарием» (Паланик, 2015, с. 10). В романе также использован прием *театр в театре* (точнее, сценарий в сценарии), который часто применяется именно в театре абсурда и помогает усилить динамику действия, а, кроме того, поиграть со стилями и пародировать низкопробные любовные романы. Ощущению присутствия способствуют и визуальные приемы, структурирующие текст:

«сломать четвертую стену» (Паланик, 2015, с. 221), *«наплывом – кадр из прошлого»* (там же: с.32), *«наплывом – флешбэк»* (там же: с. 99, 195, 259 и др.), *«наплыв, мизансцена, передний план»* (там же: с. 266), *«наплывом – следующий кадр»* (там же: с. 8, 283), *«резкая смена кадра»* (там же: с. 151), *«крупный план»*, *«кадр-вставка»* (там же: с. 150, 151, 204), *«голос за кадром»* (там же: с. 164, 186 и др.), *«камера разворачивается на 180 градусов»* (там же: с. 121, 131), *«камера движется следом»* (там же: с. 251), *«звуковая перемычка»* (там же: с. 271), *«Кадр обрывается. Идут титры»* (там же: с. 287) и мн. др.

Предлагая для обозначения хода времени резать и монтировать текст как киноленту и использовать в качестве перебивки флешбэки (Паланик, 2020, с. 37-38), Паланик в этом своем романе строит весь текст, чередуя кадры настоящего и прошлого и усиливая тем самым интригу. Приемы, успешно апробированные в предыдущих вещах, в частности, в первом романе писателя, находят в тексте широкое применение, и в целом второстепенная вещь в творчестве Паланика, роман «Кто все расскажет», становится своеобразной мозаикой структур, находок, реплик предыдущих работ писателя.

Положив в основу сюжет-архетип и тем самым предопределив финал книги (Паланик, 2020, с. 110-112), Паланик берет за отправную точку легенду о Пигмалионе и Галатее, сам же основной сюжет – подражание и пародирование романа Уайльда «Портрет Дориана Грея». Остроумные, порой циничные реплики кинокритиков и журналистов, позаимствованные у *закадровой* героини-нарратора Хэйзи Куган, а затем ею же подхваченные, зеркало-портрет, на который каждый раз

Хэйзи, художник и творец образа неувядающей красавицы-актрисы мисс Кэти, наносит новые мазки – свидетельства старения и увядания, сама переключка имен Хэйзи/Безил, все это позволяет увидеть в «вечной неудачнице» и вечном творце-Пигмалионе мисс Куган прямую отсылку на две ипостаси (Генри Уоттон/Бэзил Холуорд) Дориана Грея.

Потратившая на сотворение идеального образа вечно юной Кэтрин Кентон всю свою жизнь, Хэйзи не отделяет себя от своего творения, подобно тому, как Бэзил считал портрет Дориана своим автопортретом. Неприметная подруга и вечная компаньонка, дурнушка Хэйзи сочиняет историю жизни мисс Кэти «Парагон. Автобиография Кэтрин Кентон...», вкладывая в уста своего творения следующие слова: «Всем, во что я превратилась, всем, что приобрела и чего достигла, я обязана Хэйзи Куган, и только ей одной» (Паланик, 2015, с. 274).

Взбалмошная, бездушная, себялюбивая, порой жестокая, не знающая удержу в удовлетворении своих страстей, меняющая мужей одного за другим, подогревающая себя алкоголем и барбитуратами, готовая любой ценой сохранить привлекательность юности, – такова Кэтрин Кентон, типичная представительница голливудской богемы. Все дурные стороны ее натуры, печально сказывающиеся на внешности актрисы, Хэйзи бриллиантом «Гарри Уинстон» (еще одна отсылка к роману Уайльда) процарапывает на зеркале, хранящемся в потайном месте – фамильном склепе, вдали от глаз. Как и скрытый на чердаке портрет могли увидеть только художник и его натурщик Дориан, так и зеркало открывает свои нелюбезные секреты только красавице и ее альтер-эго, создательнице и неприметному двойнику. Именно благодаря Хэйзи Куган мир видит безупречную Кэтрин Кентон: «Она – воплощенное обещание. Ответ на любую печаль, на любое несовершенство. Просто поймать на себе взгляд фиалковых глаз – уже счастье <...> моя мисс Кэти – это вечное обещание нового будущего» (Паланик, 2015, с. 246,247). Пока в соборе разыгрывается постановка – мисс Кэти в очередной раз выходит замуж за молодого проходимца, с которым *кукловод* (Паланик, 2015, с. 20) Хэйзи нарочно ее свела, в подzemелье собора, «в усыпальнице <...> ожидает зеркало, которому хорошо известны ее сокровенные тайны. С каждым годом, по мере того, как мир убивает мисс Кэти, на обезображенном стекле всё отчетливее проступает маска смерти» (Паланик, 2015, с. 246-247).

Если в романе Уайльда Дориан убивает своего создателя Бэзила, то у Паланика создатель уничтожает своё творение, убив вначале Кэтрин, а затем вдребезги разбив зеркало, и «то, что было подлинной историей жизни, разлетается миллионами сверкающих осколков <...>».

Всякое подлинное воспоминание о моей мисс Кэти вместе с зеркалом раскололось на блистательные обломки» (Паланик, 2015, с. 280-281). Своим двойным жестом, совершая реальное и сакральное убийства, Хэйзи спасает ту, на чье создание было потрачено столько усилий, обеспечив актрисе «эффектный уход со сцены после прекрасно сыгранного третьего акта» (Паланик, 2015, с. 277), и берет под свою опеку белокурую малышку, которой предстоит стать новой иконой *фабрики грез* и прославиться под именем Мэрилин Монро.

Многие героини Паланика одержимы синдромом Дориана Грея и готовы платить самую дорогую цену, чтоб остаться навечно молодыми. На вопрос Брендис, кем бы он стал, если бы имел выбор, героиня «Невидимок» красавец Манус Келли отвечает: «Единственное, что я знаю, так это то, что не старею. Что не хочу стареть» (Паланик, 2009, с. 221). Своих героинь-актрис – Касси Райт и Кэтрин Кентон Паланик заставляет принести себя в жертву культуре вечной молодости, утверждающему приоритет искусства над жизнью, ярким и эффективным финалом перечеркнув линию пустой и праздной жизни.

За кулисами иллюзий: голливудское отражение в детективном романе «Рождение звука»

Цикл разоблачительных романов о закулиссе Голливуда, к числу которых косвенно можно причислить и диптих «Проклятые» и «Обреченные», Паланик заключил своим предпоследним романом – «Рождение звука» (2020 год), в котором инвективы писателя в адрес *фабрики грез* обернулись оглушительным криком. Экзистенциальный абсурд мира, лейтмотивный в творчестве Паланика, здесь обретает не только форму, но и звук, «единственное, что во всей этой второсортной мутотени было настоящим» (Паланик, 2022, с. 5). Именно в звуке главная героиня романа, продолжательница семейного бизнеса звуковик Митци Айвз видит «будущее кинематографа. Игру за гранью игры» (Паланик, 2022, с. 25). У искушенного и избалованного зрителя, которому мировая киноиндустрия безостановочно поставляет зрелища на любой вкус, усложняя и совершенствуя средства их исполнения, особенно востребовано в наши дни кино в жанре саспенс, чтобы, не нарушая зоны комфорта, он мог «чувствовать себя частью общей лимбической системы» (Паланик, 2022, с. 85).

О феномене стороннего наблюдателя, тайно наслаждающегося чужим страданием, писал литературный предтеча писателей-

экзистенциалистов Достоевский в романе «Братья Карамазовы», описывая эпизод, в котором Лиза Хохлокова потчует Алешу Карамазова рассказом со сценами насилия и жестокости, в заключении заявив: «..а я сяду напротив и буду ананасовый компот есть» (Достоевский, 1976, с. 24). И потому Митци, с детства посвященная в секреты имитации экранных звуков, того, как

сельдерей из морозилки, обернутый в кусок замши и расколотый пополам, имитирует хруст кости, а облепленный слоями крекеров арбуз, по которому прошились бейсбольной битой, – звук расшибленного об асфальт при падении с большой высоты черепа (Паланик, 2022, с.23), как шарики от подшипников, стуча по дереву, создают эффект дождя, а гибкий алюминий при ударе – грома (см.: Паланик, 2022, с. 119),

усвоила непреложную истину: «Только ужас и страх помогут сделать по-настоящему ходовой товар, коммерческую запись» (Паланик, 2022, с. 57). Персона нон-грата среди голливудского истеблишмента, главная героиня романа с детских лет столкнулась с лицемерием и притворством не знающего снисхождения мира голливудской киноиндустрии и, приняв условия установленных там *ролевых игр*, стала одним из главных действующих лиц оборотной стороны Голливуда, той, где «отмываются деньги» (Паланик, 2022, с. 82) и где ставки настолько высоки, что нерастраченные купюры буквально валяются из набитой долларами комнаты квартиры в элитарном кондоминиуме «Фонтейн», расположенной прямо напротив окон офиса второго главного протагониста повествования – Фостера Гейтса, неустанно разыскивающего на запрещенных сайтах «даркнета» следы некогда похищенной дочери. Как и в романе «До самых кончиков», Паланик здесь использует разбивки сюжета, чтобы сталкивать пока еще незнакомых друг с другом героев – Митци и Фостера, соединенных как незримой нитью образом пропавшей девочки, трагическая история которой стала для обеих персонажей неразрешенным гештальтом, в конечном итоге свести их вместе, заключить в тандем и контаминировать, замещая самоубийцу Митци на Фостера, который, пройдя обряд посвящения в запретную профессию озвучки предсмертных криков, наследует ее дело по воплощению в *мире грез* «больных фантазий других людей» (Паланик, 2022, с. 28). Долгие годы заикленный на мечте «стать палачом тех, кто мучил детишек» (Паланик, 2022, с. 33), Фостер – лишь теоретик идеи, которую претво-

рила в жизнь юная Митци, жестоко отомстив собственному отцу за убийство девятилетней Люсинды и заодно сделав состояние в 100 тысяч долларов на своей первой записи крика под названием «Ребенок снимает шкуру с маньяка-убийцы заживо» (Паланик, 2022, с. 47).

В 1961 году, приглашенный для участия в фильме «Боккаччо 70», итальянский режиссер Лукино Висконти поставил обязательным условием постоянно распылять в съемочном павильоне духи «Шанель №5» и объяснил свой каприз тем, что «это необходимо, чтобы атмосфера действия была доподлинной, а иначе в актерской игре может появиться фальшь, и ее-то зритель почувствует!» (Козлов, 1987, с. 62). Следуя тем же неписаным законам закадровой достоверности, Митци, прежде чем приступить к записи крика, выясняет все детали предполагаемого преступления – вплоть до модели ножа, служащего по сценарию орудием убийства, и даже проводит своеобразный кастинг, подыскивая жертву на роль для своего *звукового снаффа*.

«Хотите посмотреть на нож, которым ударили Веру Майлз в «Психозе»? Или нож, которым перерезали горло Дрю Берримор в «Крике», с прикрепленным к нему специальным «мешочком с кровью»?» (Паланик, 2015, с. 116), – предлагает Паланик в разделе, озаглавленном им «Киношное безумство» автобиографического романа «Беглецы и бродяги», знакомя читателя с достопримечательностями родного Портленда. Так, Паланик заполняет реквизиторскую своей героини создающими эффект достоверности мачете, саблями и исполнившей свою кровавую роль атрибутикой пыток и убийства вперемешку со «штабелями и горами криков» (Паланик, 2022, с. 244) и, как и в предыдущем романе, прибегает к специальным терминам, принятым в кинематографическом дискурсе (например, когда Митци, наблюдая за официанткой, отмечает, что та «поставила обе чашки одним кадром» (Паланик, 2022, с. 27).

Как полагают критики, Паланик затаил обиду на Голливуд и, уже не впервые демонстрируя изнанку Голливуда в своих романах, доходит до расшатывающего напускную благопристойность мира «талантливых мертвецов и живых трупов» (Паланик, 2022, с. 81) разоблачения, которое венчается традиционным для его прозы приемом, устроив очистительный пожар, под отблески которого в «изнемогающий от жары, грязный, темный мир» (Паланик, 2022, с. 249) приходит ребенок умирающей Митци, усыновленный ее антагонистом Фостером и не избежавшим роковой судьбы – стать в будущем наследником пропавшего хлоркой и пронзенного предсмертным хрипом семейного бизнеса. Не принимая бесчеловечного закона, постулирующего

необходимость постоянного жертвоприношения на алтарь бездушного искусства, Паланик оставляет читателя в недоумении, были ли убийства, якобы совершенные находящейся в постоянном наркотическом дурмане героиней – «трусихой, типичной жертвой» (Паланик, 2022, с. 164), возмнившей себя преступницей, настоящими или всего лишь множественными примерами успешных актерских кинопроб, ставших пропуском в мир большого кино. Для того, чтобы подчеркнуть иллюзорность происходящего, писатель использует симулякры, где кофе разносит посетителям «официантка, играющая актрису, играющую официантку» (Паланик, 2022, с. 24, 35), герой встречается с девушкой, которая «просто кукла, копия» (Паланик, 2022, с. 49) его дочери-фантома, и даже похороны на самом деле – имитация похорон, обманка. В подложном мире неясно, «если нос разбился в лесной чаще и никто не записал звук, никто не наложил этот звук на дорожку фильма, разбился ли нос на самом деле?» (Паланик, 2022, с. 75).

В предпоследнем своем романе Паланик уводит читателя в построенный по законам голливудского кино воображаемый мир, оттапливающий, притягательный и опасный, заплетая сюжет в детективный клубок, который предстоит читателю распутать и домыслить по своему усмотрению.

Рассмотренные выше романы оказались *аутсайдерами* паланиковского *книжного мира*, который уже не первое десятилетие в кругу как читательского, так и научного интереса. Такое отторжение обусловлено вторичностью самих текстов, в которых используются уже успешно апробированные как самим Палаником, так и его собратьями по писательскому цеху модели, и предельно натуралистическим характером текстов, что отсекает определенный сегмент читателей. Складывается устойчивое ощущение, что вслед за очередным *качественным* романом писатель берется за книгу, коммерческий успех которой держится исключительно на его писательской репутации и эффекте читательского ожидания. Тем не менее, нельзя не отметить остроту социальной проблематики вышеприведенных романов, в которых пусть в чрезмерно откровенной и шокирующей форме, но освещаются острые социальные вопросы и содержится нравственный посыл – неперемнная составляющая паланиковских текстов.

Антигуманизм экзистенциализма – опорной в творчестве Паланика философской доктрины – особенно ярко высвечивается в романе «До самых кончиков», который, несмотря на неправдоподобно благополучный финал, заставляет читателя усомниться в возможности выхода из охватившего все человечество экзистенциального кризиса.

Используя инструментарий по нагнетанию саспенса, Паланик закручивает временную петлю, в которой оказывается навечно замкнут мир, опрометчиво обманувшийся иллюзией выхода. Благое намерение главной героини предотвратить окончательное гендерное разобщение социума и грядущий зомби-апокалипсис чревато полным отрывом от реальности и переходом в виртуальный мир, а общество готово покорно следовать за новым мессией – манипулятором, снабжающим его все возрастающей дозой удовольствия.

Прибегая к излюбленному приему гипертекстуальности и нанизывая один на другой невероятные эпизоды в романе «Снафф», Паланик создает динамическое и драматическое повествование, позволяющее трансформировать изначальный детективный сюжет порно-триллера в формат телевизионной мыльной оперы. Примечательно, что лондонская компания Immortal Transmedia собиралась инвестировать в экранизацию фильма (2012 год), но фильм так и не был снят, что, вероятно, объясняется неприемлемым для широкого зрителя контентом книги. Все же, в качестве литературного текста роман вписывается в общий паланиковский дискурс, направленный на пробуждение личности, замкнутой в рамках секуляризованного мира, и потому представляет критический интерес и может быть рассмотрен в научном ключе.

Роман Паланика «Кто все расскажет» – голливудская аллюзия на «Портрет Дориана Грея» Оскара Уайльда, переключки с которым лейтмотивны в творчестве американского писателя. Используя роман-архетип, Паланик беспощадно разоблачает все негативные стороны голливудской изнанки, а прослеживание рассыпанных по всему тексту прямых и косвенных отсылок к книге Уайльда помогает выявить многопластовость текста, написанного в типичной для Паланика постмодернистской рецепции.

Миксуя классические примеры с постмодернистскими моделями, Паланик в предпоследнем (на сегодняшний день) своем романе «Рождение звука» вновь демонстрирует мастерство сценариста, адресуя Голливуду как свои инвективы-разоблачения, так и завуалированное приглашение к сотрудничеству над новым фильмом по написанному им роману.

Обращение к сюжетам вышеприведенных романов связано с их ограниченной читательской известностью и в рамках данной статьи дает возможность для сравнительно-сопоставительного анализа в социальном контексте, а также в соотношениях с классическими текстами, в том числе и с уже признанными современной классикой текстами самого Паланика.

Заключение

Творчество Чака Паланика – современного американского писателя, яркого и самобытного представителя трансгрессивной прозы, вызывает большой интерес как в читательской, так и в научной среде. Увидевший свет в 2020-ом году сборник “Consider This” (рус.: «На завтрак») – занимательное и познавательное пособие для начинающего писателя, одним из залогов будущего успеха которого Паланик считает плодовитость. Писать по книге в год – тот вызов, который принял сам Паланик, автор, чьё творчество постоянно находится в фокусе внимания литературоведения и критики последние два десятилетия. Избирая в качестве отправной точки к сюжету своих книг некий базовый концепт-метафору, Паланик раскрывает перед читателем самые животрепещущие проблемы современного мира во всей их неоднозначности, заставляет задуматься над альтернативными возможностями их интеграции или разрешения. Шутка, смех, ирония – неперенные составляющие паланиковских книг; его остроумной сатиры не избежала ни одна из нелюбимых сторон современной жизни, причем в своих романах он сразу поражает несколько целей. Прибегая к излюбленным им принципам конструирования постмодернистской прозы интертекстуальности и гипертекстуальности, американский писатель-нонконформист создает зримые, динамические сюжеты, которые вслед за прославившим его фильмом Дэвида Финчера «Бойцовский клуб» могут стать сценариями к очередным голливудским блокбастерам.

Обобщая основную мысль, ключевую идею творчества писателя – вплоть до последних его произведений, можно определить ее словами одной из его героинь, Иды Манчини: «Моя цель – расшевелить людей. Сделать их жизнь нескучной» (Паланик, 2010, с. 179). В условиях духовного кризиса, угрозы надвигающейся глобальной катастрофы романы Паланика могут рассматриваться как предупреждение погрязшим в мире буржуазных ценностей потребителям, призывающее пробудиться, возродиться для новой – духовной – жизни.

В 2023 году вышел новый роман Паланика “Not Forever, But for Now” (первая публикация 5 сентября 2023 г.), в котором писатель продолжает череду своих острых социальных разоблачений, и в перспективе видится необходимым сравнительно-сопоставительный разбор нового текста писателя в качестве дополнения к широкому спектру литературной критики по Паланику.

ЛИТЕРАТУРА

- Williams, L. (1989). *Hard Core: Power, Pleasure and the Frenzy of the Visible*. Los Angeles, University of California Press.
- Достоевский, Ф. М. (1976). *Собр. соч. в 30-ти томах. Том 15.* Ленинград, «Наука».
- Заборский, Александр. (2021). Трансгрессивная проза. 28.04.2023 //http://md.experiment.org>post
- Казарина, Т. В. (2017). Рождение метафоры, или что такое «снафф», 20.04.2023 <https://cyberleninka.ru>articles>ro...>
- Козлов, Л. (1987). *Лукино Висконти и его кинематограф.* Москва: «Союз кинематографистов СССР».
- Паланик, Чак. (2015). *Беглецы и бродяги.* Москва, АСТ.
- Паланик, Чак. (2015). *До самых кончиков.* Москва, АСТ.
- Паланик, Чак. (2015). *Кто все расскажет.* Москва, АСТ.
- Паланик, Чак. (2020). *На затравку.* Москва, АСТ.
- Паланик, Чак. (2009). *Невидимки.* Москва, АСТ.
- Паланик, Чак. (2022). *Рождение звука.* Москва, АСТ.
- Паланик, Чак. (2015). *Снафф.* Москва, АСТ.
- Паланик, Чак. (2010). *Удушье.* Москва, АСТ
- Салтыков, Денис. (2015). Киномифология снаффа и ее прагматика. *Новое литературное обозрение*, №6. <https://www.nlobooks.> ru> article>
- Алябьева, Анна. (2016). Окружающая нас реальность, доведённая до абсурда. <https://regnum.ru/article/2193667>
- «Чарльз Мэнсон и его «Семья»: почему массовые убийства, унесшие жизнь жены Романа Полански, стали частью массовой культуры». (2021). *Правила жизни.* <https://www.pravilamag.ru/articles/103102-charlz-menson-i-ego-semya-pochemu-zverskie-massovye-ubiystva-unesshie-zhizn-beremennoy-zheny-romana-polanski-stali-chastyu-massovoy-kultury/>

Ն. Գոնչար-Խանջյան, Կ. Թովմասյան – Գեղագիտականի և էթիկականի աղավաղումը «Մնաֆ», «Ով կպատմի ամեն ինչ», «Մինչև ծայրերը», «Ձայնի ծնունդը» վեպերում: – Ժամանակակից հակամշակույթի վառ ներկայացուցիչ Չակ Պոլանիկի գրական ուղին սերտորեն կապված է լրագրության, գովազդի և կինոյի աշխարհի հետ: Հենց գրողի «Մարտական ակումբ» վեպի էկրանավորումն է նրան համաշխարհային համբավ բերել և

մեկընդմիջտ արժանացրել տրանսգրեսիվ արձակի սիրահար ընթերցողների ակնածանքին: Իր դիմակազերծող ու հեզնական «Մնաֆ», «Ով կպատմի ամեն ինչ», «Մինչև ծայրերը», «Չայնի ծնունդը» վեպերում Պալանիկը կերպավորվում է «ամերիկյան երազանքի» գաղափարում մարմնավորված առասպելները, ցույց է տալիս ապառողական հասարակության լիակատար միօրինակացումն ու ապանձնավորումը կորպորացիաների պարտադրած գովազդային նախասիրությունների հետևանքով, բացահայտում է Հոլիվուդի վանող էտնաբեմը ամեն անգամ միահյուսելով դետեկտիվ պատումը և հետաքրքրաշարժ սյուժեն: Հոդվածի նպատակն է համեմատական և վերլուծական մեթոդների հիման վրա փոխանցել հեղինակի դիսկուրսը, որը միտված է մերկացնելու ժամանակակից նյութապաշտ հասարակության ապրանքային ֆետիշիզմը և էթիկական նորմերի ու կարգերի վերացումը: Հոդվածի առարկան է սոցիալական խնդիրների արծարծումը, որը բնորոշ է գրողի ստեղծագործությանն ընդհանրապես և որոշիչ նշանակություն ունի ստորև դիտարկված չորս վեպի սյուժեներում մասնավորապես: Հոդվածում ներկայացված վեպերին մինչ օրս քննադատական լուրջ անդադարձ չի կատարվել, ուստի Պալանիկի տեքստերի գիտական ուսումնասիրությունների ընդհանուր պատկերում տվյալ բացը լրացնելու փորձը առանձնահատուկ նորույթ է հաղորդում սույն հետազոտությանը, որը բացահայտում է գրողի ստեղծագործության որոշ անհայտ կողմեր: Հոդվածում արվում են ժամանակակից քննադատների կողմից մեջբերումներ տրանսգրեսիվ արձակին ուղղված, սակայն հոդվածի հիմնական օժանդակ տեքստերն են հենց Պալանիկի վեպերը և նրա նոն-ֆիքշն գրողական վարպետության ձեռնարկ “Consider This”-ը, որում հանրաճանաչ հեղինակը կիսում է գրելու գաղտնիքները գրքի, գեղարվեստական արժեքի և ընթերցողի հաջողության գրավականը: Պալանիկի գեղարվեստական արձակի հարաբերակցությունը գիրք-ձեռնարկում ներկայացված տեսական դրույթների հետ մեկ տեղ օգնում է գրողի տեքստերի ավելի լավ ընկալմանը և բազմակողմանի բացահայտմանը:

***Բանալի բառեր.** մանիպուլյացիա, գենդերային առձակատում, Հոլիվուդ, էտնաբեմ, «սնաֆ», կոմերցիոն ձայնագրություն*

N. Gonchar-Khanjyan, K. Tovmasyan – *Aesthetic and Ethical Distortion in the Novels “Snuff”, “Tell-All”, “Beautiful You”, “The Invention of Sound”*. – The writer's fate of Chuck Palahniuk, a bright representative of the modern counterculture, is closely connected with the world of journalism, advertising and cinema. It was the film adaptation of his novel “Fight Club” that brought him worldwide fame and secured for him once and for all the fame of a cult writer among readers-admirers of transgressive prose. In his revealing and ironic novels “Snuff”, “Tell-All”, “Beautiful You”, “The Invention of Sound”, Palahniuk travests the notorious myths conceptualized in the idea of the “American Dream”, shows the processes of total standardization and depersonalization of consumer society through advertising preferences imposed by corporations, opens the veil to the repulsive backstage of Hollywood, each time the detective narrative twists into a fascinating plot. The purpose of the article is to convey the author's discourse, focused on exposing the modern secularized society with its commodity fetishism and deconstruction of ethical norms and categories, by using comparative and analytical methods. The social issues relevant to the writer's work as a whole and determining the plot collisions in the four novels discussed below determine the subject of the article. The novels presented in the article have so far been out of the focus of serious criticism, and thus the attempt to complement the overall picture of scientific research appeals to Palahniuk's texts determines the novelty of this study, revealing unknown aspects in the writer's work. The article contains quotes from modern criticism's appeal to transgressive prose, but the main supporting texts of the article are the novels of Palahniuk himself and his non-fiction book-guide on writing “Consider This”, in which the popular author shares the secrets of writing mastery which are the keys to the artistic value of a book and its reader success as well. Correlating Palahniuk's fiction with the theoretical principles he outlined in the manual helps to better understanding and diversify the writer's texts.

Key words: *manipulation, gender confrontation, Hollywood, behind the scenes, snuff, commercial recording*